

АЛЕКС РУСТЕР

**ЗАГАДКИ СТАРИННОГО
ПЕРГАМЕНТА, или
Средневековая мистификация**

Алекс Рустер

**Загадки старинного пергамента,
или Средневековая мистификация**

«Издательские решения»

Рустер А.

Загадки старинного пергамента, или Средневековая мистификация
/ А. Рустер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901309-5

Ах, эти прекрасные далёкие времена!.. Балы, чарующие звуки лютни и псовая охота... Прекрасные принцессы ожидают своих принцев в высоких башнях, а отважные рыцари бесстрашно сражаются с огнедышащими драконами. А вы уверены, что всё было именно так?..

ISBN 978-5-44-901309-5

© Рустер А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
В поисках королевской особы1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Загадки старинного пергамента, или Средневековая мистификация

Алекс Рустер

© Алекс Рустер, 2017

ISBN 978-5-4490-1309-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Записи эти были обнаружены в старинной библиотеке. Некий скромный заместитель ученого корифея (далее *ЗаУчКо*), чье имя, впрочем, ещё не снискало звучности в научных кругах, предположил, что они имеют непосредственное отношение к событиям, развернувшимся вокруг королевского трона одной из средневековых стран. Но именитые и уважаемые историки убеждены, что это – грубая подделка, мистификация, которая не имеет ничего общего с наукой или историей.

Не найдя в записях ни точных дат, ни сведений о численности войск или развитии промышленности и сельского хозяйства, умудрённые мужи не сочли нужным дочитывать записи до конца.

Однако сам факт их обнаружения, и отчаянное рвение вышеупомянутого заместителя, не позволяют научному сообществу оставить их без какого-либо внимания. По сему данные записки публикуются отдельной книгой, которая, думается, найдёт место в архивах исторических библиотек. Примечания же к ней вызвался составить тот самый ЗаУчКо.

А пока ещё не создана библиотечная карточка, пока пусто место на запылённой полке, предлагаем эти записи вашему вниманию, дорогой читатель. Возможно, именно вы найдёте в них рациональное зерно исторической правды. Если же такового обнаружено не будет, то историческое сообщество заявляет, что ответственности за это не несёт, а претензии могут быть направлены ЗаУчКо.

В поисках королевской особы¹

По пустынной дороге, разрезавшей поле на неравные части, двигалась необычная компания. Возглавляла шествие худенькая смуглая девушка, в пыльном платье, хранившем ещё местами следы былого роскошества. На узких плечах её громоздился бесформенный мешок, довольно увесистый, если судить по тяжёлой походке и сторбленной фигурке. За ней прихрамывавшая бородачатый мужчина, одетый просто, но чисто и опрятно. Из-за его спины виднелся колчан со стрелами, а к поясу был пристёгнут обоюдоострый меч. Бородач волок за собой упряжку, отдалённо напоминающую бочку, поставленную на разные по размеру колёса, из-за чего последняя то и дело норовила свернуть с наезженной колеи.

Завершалось же шествие и вовсе примечательным персонажем: существо с головой птицы и туловищем льва, спину которого украшали два мощных крыла, переливавшихся всеми цветами радуги, гордо подняв голову, степенно вышагивало позади².

– Премногоуважаемый Фицморис, – обратился бородач к существу, – думаю, наш цветок всё понял и осознал, а значит, мы можем продолжить путь по воздуху. Как вы полагаете?

– Не думаю, Герберт, не думаю... – ответило существо. – Я так и не услышал от милой госпожи слов раскаянья.

– И не услышишь! – не оборачиваясь отрезала девушка.

– Вот видите, Герберт. Ни капли раскаянья! А ведь мы могли разбиться!

– Ну что вы, Фицморис! При вашем мастерстве и искусном владении наукой воздухоплавания это просто невозможно!

– Не льстите мне, Герберт. Воздушные потоки бывают весьма непредсказуемы. Всякое может случиться, особенно если кто-то пытается выдрать рулевые перья!

В этот момент девушка резко остановилась и, сбросив свою ношу, повернулась к спутникам.

– Я ещё раз повторяю: я не пыталась выдернуть твои перья! Я только хотела чтобы ты развернулся в сторону от солнца. Ты же знаешь, как вреден солнечный свет моей нежной коже.

– Нежной коже? – вскинулся Фицморис. – Так вас сейчас заботит только нежная кожа, госпожа?! Может, стóит, наконец, задуматься о более важных вещах?

– Да что ты можешь понимать в том, о чём следует заботиться приличной даме?!

– Друзья мои, – вмешался в перебранку бородач. – Думаю, всем нам необходимо успокоиться. И кроме того, цветочек, в чём-то уважаемый Фицморис прав! Нежной коже куда более могли бы повредить острые скалы, над которыми мы пролетали!

– А с тобой я вообще не разговариваю! И не смей называть меня цветочком! – и девушка снова взвалила на плечи мешок.

– Не обращайтесь внимание, уважаемый Герберт! Несмотря на своё высокородное происхождение, милая барышня не отличается образованностью, – снисходительно обратился к бородачу грифон. – Она же не знакома с древними языками и не знает, что имя её имеет самое непосредственное отношение к растительному миру. Более того, она, в силу своей неосведомлённости, даже не подозревает, что вы могли бы называть её как-то иначе, например, болотной тиной или лишайником, и при этом всё равно были бы недалеко от истины.

¹ Данные записи – единственные пронумерованные по порядку листы пергамента, поэтому публикуются в самом начале. (Прим. *ЗаУчКо*)

² Данное описание соответствует описанию мифического существа, известного как грифон, однако научное сообщество отрицает саму возможность существования подобных чудищ. (Прим. *ЗаУчКо*)

– Согласен с вами, дорогой друг! Совершенно согласен! Иначе уважаемая госпожа знала бы, что коль скоро путь наш лежит на запад, то и лететь нам следует именно в сторону заходящего солнца, ибо следуя правилам вращения земли вокруг светила...

– Вращения земли?! – прервала его речь девушка. – И это вы говорите мне об образовании!!! Да вы хоть знаете, что стало с придворным звездочётом, утверждавшим подобное?!

– Смею предположить, что умер он не своей смертью, так? – поинтересовался грифон.

– Это... – вскинулась девушка.

– Это говорит отнюдь не об истинности, а только об общем невежестве, царящем в государстве! – закончил её фразу бородач.

– Совершенно согласен с вами, Герберт! Судя по тому, что я наблюдал последние несколько месяцев, положение дел в стране куда хуже, чем вы можете себе представить! Кажется бы, при отсутствии достойного образования в области таких точных наук как астрономия, должно развиваться искусство – живопись, музыка, поэзия, наконец! Но нет, дорогой Герберт, увы... Они, если можно так выразиться, находятся в зачаточном состоянии, поверьте!

– Зато в области всякого рода игр мы весьма преуспели, не так ли? – и девушка бросила через плечо насмешливый взгляд на чудовище.

– Не думаю, что это может быть предметом гордости! – обиженно буркнул в ответ Фицморис.

– Друзья, друзья мои! – воскликнул бородач. – Предвидя продолжение этого спора, хочу напомнить вам, что мы в чистом поле, солнце садится, а до ближайшего селения ещё довольно далеко. Поэтому, если мы не хотим остаться ночевать прямо тут, то нам следует забыть о разногласиях, погрузить весь этот скарб в корзину и отправиться дальше по воздуху.

С минуту цветочек и Фицморис стояли молча, оценивая сложившуюся ситуацию, и, видимо, решив, что в словах бородача есть доля истины, принялись перекладывать содержимое мешка в тележку.

– Вот и славно, друзья мои! – воодушевился бородач. – Так мы заметно приблизимся к цели нашего путешествия и, наконец, расстанемся к всеобщему нашему удовольствию!

С этими словами он накинул на спину грифона широкие полотняные лямки, а концы их закрепил на тележке.

– Прошу вас, госпожа, – бородач подал руку девушке, приглашая её забраться в тележку.

– Благодарю, – ответила она, усаживаясь на пыльном мешке, который ещё недавно тащила на своей спине.

– Фицморис, уважаемый, мы готовы! – крикнул бородач.

Существо потянулось, потопталось на месте и медленно начало разбег. Его шаги становились всё шире и вот он уже не бежал, а скакал, точно заправский рысак. Ещё мгновение и за спиной его распахнулись великолепные крылья. Несколько взмахов и он плавно взмыл в воздух. Подобно гигантскому орлу, несущему добычу в гнездо, он нёс под собой тележку, в которой сидели девушка и бородач.

За несколько часов путешественники миновали поле и теперь летели над скалами. Внизу виднелись зловещие расщелины, зиявшие точно раскрытые пасти таинственных монстров, а редкие сосны, протягивали свои ветви, будто норовили схватить необычных воздухоплавателей.

Солнце уже почти село, когда на горизонте за лесом показались тонкие струйки дыма из печных труб, обещавших отдых и ночлег. Едва вдалеке на стали вырисовываться крыши построек, тележка опустилась на землю. Бородач и девушка выбрались.

– Благодарю вас, любезный Фицморис! На этот раз ваш полёт был безупречен! – заговорил бородач. – Корзину почти не качало, да и посадка выдалась на редкость мягкой.

– Не преувеличивайте моих заслуг, Герберт. Всё прошло совершенно обыкновенно, просто на этот раз никто не пытался дёргать меня за крылья! – И он многозначительно посмотрел на девушку.

Девушка не отвечала. Она сидела на траве возле корзины-тележки и тяжело дышала, широко раскрывая рот. Лицо её было бледно.

– Фицморис, друг мой, – ответил глядя на девушку бородач, – полагаю, наша госпожа сейчас не расположена пикироваться. Думаю, вам следует отложить продолжение разговора до утра, когда госпожа придёт в себя от перенесённого полёта. Ну а сейчас мы с ней отправимся в селение и постараемся снять для нас какой-нибудь хлев для ночлега. Как только мы устроимся, я подам вам сигнал. И прошу, нет, умоляю вас, дорогой мой, не появляйтесь в селении до этого времени. Вы же помните, что случилось в прошлый раз?

– Ах, Герберт! Ну надо ли напоминать мне? – сокрушённо отвечал Фицморис. – Тот скорняк был в изрядном подпитии, а торговке просто померещилось сослепу! А курица, я уверен, нашлась уже на другой день.

– Не надо, Фицморис, не стóит! – прервал его бородач. – Просто дождитесь моего сигнала, а я в свою очередь, приложу все усилия, чтобы найти для ночлега мало-мальски приличный сарай и купить пару куриц для вас.

– Только не сарай! – подала голос девушка. – Особе моего происхождения не пристало ночевать в хлеву! К тому же третью ночь к ряду. По-моему, я, наконец, заслужила приличествующих условий!

– Позвольте напомнить, что именно благодаря вам мы обречены на скитания и тяготы кочевой жизни, – возразил Фицморис. – Вам некого винить в сложившейся ситуации! Вы, госпожа, должны были хотя бы предполагать, какие тяготы ожидают нас всех в путешествии.

– Должно быть, ты забыл, чудовище, что связан определёнными обязательствами со мной и моим батюшкой? А вас, Герберт, – обратилась она к бородачу, – никто не принуждал следовать за нами! И вы здесь исключительно по собственной воле!

– Любезная Флора, по-моему, я-то как раз не в претензии и ни слова не проронил о каких-либо неудобствах! Но осмелюсь заметить вам, что солнце почти село и нам пора позаботиться о ночлеге, – с этими словами Герберт подхватил девушку под руку и направился в сторону селения. – Ждите сигнала, Фицморис! Ждите сигнала! – крикнул он удаляясь.

Небольшое селение, к которому приближалась парочка выглядело пустынным и неприветливым. Единственная улица казалась заброшенной: ни людей, ни домашнего скота не было видно, даже собаки не подавали голосов из-за покосившихся заборов, а только трусливо поджимая хвосты прятались при виде незнакомцев.

– Что-то подсказывает мне, госпожа, что здесь мы не встретим ни одного постоянного двора... – вздохнул бородач.

– Что ж, тогда надо найти самый зажиточный дом, в котором, я не сомневаюсь, будут счастливы принять на постой такую особу как я и моего спутника. Взгляни, вон то сооружение вполне может оказаться помещьем разбогатевшего ремесленника, – и она уверенно направилась к основательному каменному сооружению с крохотными окнами-бойницами, жавшимися к соломенной крыше. Бородач поспешил следом.

– И умоляю вас, госпожа, позвольте мне обо всём договориться! – прошептал он, отворяя перед девушкой увесистую тёсаную дверь.

– Посмотрим! – и девушка, гордо подняв голову, шагнула.

Однако эффектного появления не случилось: длинное пышное платье зацепилось за высокий порог и она буквально кубарем вкатилась внутрь, добавив к своему выходу ещё и предательски громкий звук рвущейся ткани.

– Браво... – тихонько усмехнулся бородач, перешагивая через порог.

В хижине царил полумрак, а к запаху сырости примешивался стойкий аромат плесени и гнилой рыбы.

Через несколько мгновений, когда глаза Герберта привыкли к темноте комнаты, а его спутница приняла приличествующую случаю позу и невозмутимо перешагнула через оторвавшийся край нижней юбки, рука бородача сама собою потянулась к мечу. На пришедших были устремлены несколько десятков взглядов, в которых не сквозило ни добродушие, ни приветливость.

– Кто вы такие? Что вам здесь надо? – прогремел грубый бас из глубины комнаты.

– Мы... – начала было девушка.

– Мы усталые путники, ищущие ночлега, – прервал её бородач. – Заглянули к вам в поисках пристанища!

– Дурные же места вы избрали для своего путешествия! – отозвалась сгорбленная седая старуха, с подносом уставленным пустыми плошками. – Тут в последние дни беспокойно...

– Убирайтесь вон! – прогремел бас из глубины комнаты.

Герберт силился разглядеть обладателя баса, а его рука всё крепче сжимала рукоять клинка.

– Ах, Жаки! Как ты груб с нашими гостями! Ну-ка выйди и поздоровайся, как приличествует воспитанному мальчику! – резко отрезала старуха.

– Ну мама... – протянул голос.

– Жаки! Я что сказала?!

После слов старухи из глубины комнаты послышалось недовольное бурчание, скрип отодвигаемой мебели (если можно так сказать о бочках, служивших одновременно и стульями, и столами, а по совместительству источавшими рыбный дух, которым их навсегда наградило недавнее содержимое), и к путникам вышел крохотного роста пухлый человечек на кривых ножках, совершенно лысый, что впрочем с лихвой компенсировалось окладистой бородой неопределённого цвета. Довершала его вид огромных размеров золотая серьга в левом ухе, которая удачно гармонировала с золотыми же зубами, коими человечек не преминул похвастать, одарив пришедших широкой, хотя и не слишком искренней улыбкой.

– Джакомо Беринги, – представился человечек густым раскатистым басом, так не подходящим к его внешности, – скупщик рыбы. А вы кто же будете?

– Ах, Жаки! – вмещалась старуха. – Тебе же уже всё сказали! Как можно быть таким невнимательным? Неужели ты не видишь, что господа устали и ищут пристанища на ночь? Будь хорошим мальчиком, Жаки, предложи путникам сесть и отдохнуть, а я пока приготовлю им комнату на заднем дворе. Думаю, господа не откажутся от замечательного сеновала? Ах, такого блаженства вы не переживёте больше нигде, поверьте! Свежайшее сено, какой аромат! А козы! Ах, милочка, – обратилась старуха к девушке, – на рассвете они разбудят вас своими нежными голосами, и вы, я не сомневаюсь, согласитесь, что хваленые соловьи – просто охрипшие мартовские кошки по сравнению с ними! А какое они дают молоко! Дорогая, такого вы не попробуете и при дворе! Да и стоять это будет сущие пустяки! Пойдёмте, пойдёмте со мной, дорогая! Я вам всё покажу!

– Но мама, ты же знаешь, что сегодня... – пробубнил бородач.

– Жаки! Господа тебе совсем не помешают! И потом, лишняя монета вовсе не повредит нам в эти трудные времена! У вас ведь есть деньги? – обратилась старуха к Герберту. – Потому что мы хоть и добропорядочные люди, но...

– Не беспокойтесь, сударыня! – отозвался бородач. – Мы заплатим вам цену, которую вы назовёте сами, а ещё будем крайне рады, если в вашем хозяйстве найдётся пара куриц, которых вы согласитесь нам продать.

– Пара куриц? Ну, конечно, я продам вам куриц, но вот только приготовлю их за отдельную плату!

– Ах нет, сударыня! Готовить нам их не нужно! Мы купим у вас именно живых куриц!

– Живых? – старуха на мгновение задумалась, но тут же нашлась и возразила: – Приготовить вы их можете и сами, но за очаг – отдельная плата!

– Благодарю вас, любезная сударыня, но готовить их мы не станем. Просто покажите нам куриц, которых вы готовы продать, и назначьте свою цену.

– Что ж... Такого я ещё не слыхала, но продам вам куриц и даже напою горячим молоком перед сном. Пойдёмте, милая, пойдёмте – и она вышла, увлекая за собой недоумевающую барышню.

Когда дамы удалились осматривать покои на сеновале и выбирать кур, в хижине повисла томительная тишина. Только теперь Герберт смог как следует рассмотреть присутствующих. Компания была, мягко говоря, неприветливая. И если бы минутой ранее Герберт не стал свидетелем нежнейшего общения матери и сына, то решил бы, что головорезы, восседавшие на бочках, растерзают их немедля. Но, поскольку он всё ещё чувствовал незримое присутствие крохотной старушонки, которая пока не получила от него ни гроша, то был несколько успокоен своей участью.

Неловкое молчание прервал кривоногий коротышка:

– Это моя матушка...

– У неё золотое сердце! – с некоторым облегчением подхватил Герберт.

– Ах, сударь, как вы правы! Матушка моя безмерно добра! – ответил потеплевшим басом коротышка.

– Обеспокоили меня только её слова о том, что тут беспокойно... Что-то случилось?

– Из каких краёв вы прибыли, сударь, если не слыхали о набегах пиратов? Раньше наша община жила за счёт продажи рыбы, но сейчас местные гавани облюбовала шайка бандитов, рыбаки боятся выходить в море, и торговать нам уже нечем. Люди потихоньку стали уезжать кю куда, селение наше почти опустело...

– А чем же живёт ваша семья? Мне показалось, что постояльцы вроде нас – не частые гости в вашем доме.

Коротышка замаялся и как будто сделался ещё меньше ростом.

– Да так, сударь... Промышляем кое-чем по мелочам... Есть ещё люди, которые готовы помочь...

В этот момент задняя дверь со скрипом растворилась и в комнату вернулась старуха.

– Ох и капризная же особа ваша спутница, сударь! – обратилась она с порога к бородачу. – Всё-то ей не по нраву! И сено-де гнилое и жёсткое, а куры? Это моих-то красавиц обозвать старыми и хромыми? Да где это только видано, сударь, чтобы на доброту, гостеприимство и радушие отвечать такой чёрной неблагодарностью! А коза? Ну чем, скажите на милость, не угодило ей бедное животное? За что она её по морде-то? Ну подумаешь, полюбопытствовала моя ненаглядная, кто это там пришёл. Так что же лупить её по морде теперь? Раз барышня ваша такова, то...

Но бородач не позволил старухе договорить:

– То две золотых монеты, думаю, помогут забыть жестокие обиды, нанесённые вам, уважаемая, дерзкой барышней! – и он потянулся к увесистому кошельку, надёжно пристёгнутому к поясу.

Услышав бряцание денег старуха явно воодушевилась и повеселела, но, вовремя сообразив, снова приняла скорбный вид и продолжила:

– Ах, милостивый государь, я вижу в вас человека честного и благородного, поэтому, думаю, вы согласитесь, что два золотых – это только ночлег и радушие, которое мы оказываем, принимая вас, а как на счёт куриц, которых выбрала ваша барышня? А выбрала-то она самых наилучших моих несушек... – старуха скорбно опустила глаза к полу и в одном из них (Герберт готов был поклясться в этом!) блеснула одинокая слеза.

– Конечно, конечно! Ваши дивные жирные несушки, думаю, стоят не менее золотого, – и бородач потянулся за ещё одной монетой.

Не желая упускать удобного случая старуха снова перешла в наступление:

– А как же моя несчастная коза? У вашей барышни, сударь, очень тяжелая рука! Бедное животное так и осело после её оплеухи! А что если моя красавица потеряет молоко? Уж будьте честны до конца и добавьте ещё три золотых.

– Думается, дражайшая хозяйка, что даже если ваша красавица потеряет молоко и вам придётся забить её на мясо, то вы не выручите за неё более пары золотых? – усмехнулся бородач.

– Ах, сударь мой, грешно вам насмехаться над бедными людьми. Да и какая сейчас торговля? Пираты бесчинствуют, да ещё этот одноглазый, будь он неладен, отвадил всех от нашего дома! – и старуха укоризненно посмотрела на сына.

– Мама! – запротестовал было коротышка.

– И не спорь со мной, Жаки! Я знаю, что говорю! С тех пор, как появился в наших краях этот господин, дела идут всё хуже и хуже!

– Но...

– Я знаю, что говорю, Жаки! Вот и дорогой наш гость, думаю, заметил, как мы тут бедствуем и не откажется воздать должное нашему радушию?

Герберт усмехнулся и достал пять золотых монет. Сморщенная и тёмная, как сухая курага, ладонь потянулась к деньгам.

– Но сударыня, – заговорил гость, всё ещё крепко зажимая монеты в кулаке, – за эти деньги я бы хотел получить ещё пару мисок супа для меня и моей спутницы, ну и конечно, молоко вашей козы, пока бедняжка его не лишилась.

– Ну конечно, конечно, получите! – затараторила старуха, не сводя взгляда с денег. – Жаки принесёт их вам немедленно!

Монеты со звоном упали в раскрытую ладонь.

Через минуту Герберт, вооруженный кувшином молока, вышел на задний двор. Метрах в пятнадцати от дома возвышался хлев, которому, видимо, и выпала честь стать сегодня ночлегом. Герберт вошел. Под ногами его зашуршали побеспокоенные куры, довольно потрёпанные, а местами и вовсе плешивые, что явно свидетельствовало в пользу их юного возраста. (Про себя Герберт отметил, что на базаре не дал бы за них и ползолотого!) Обойдя насест Герберт увидел лестницу, ведущую наверх, где были устроены своеобразные полаты, заваленные сеном. Подниматься по хлипкой, подгнившей лесенке да ещё и с полным кувшином в руках было довольно неудобно, поэтому ловким движением бородач сбросил тяжёлые сапоги и плащ. Наверх он вскарабкался довольным собой и в прекрасном расположении духа.

– Как ты посмел бросить меня тут одну, да ещё и с этой ужасной старухой! – накинулась на него девушка, едва он успел забраться.

– Госпожа, я вас вовсе не бросал, а только оставил несколько распоряжений и рассчитался за постой. Да и к тому же старушка – совершенное очарование. И вам, следовало бы быть с ней полюбезней, поскольку ваш дурной нрав обошёл нас в лишних три золотых! – ответил Герберт, отхлебнув молока.

– Мой дурной нрав? Три золотых! Герберт, да как ты мог?! Твоими стараниями к концу нашего путешествия я останусь совершенно нищей! Я и так вынуждена ночевать в каком-то хлеву, так ты ещё и совершенно безбожно распоряжаешься моим приданным!

Герберт протянул ей кувшин:

– Я склонен отнести ваш гнев на счёт голода и усталости. Подкрепитесь, цветочек, и мир покажется вам чуточку лучше! Молоко у козы, и вправду, замечательное! Кстати, чем вам не угодила бедная скотинка?

Девушка жадно пила молоко. Затем, утерев рот ажурным грязным рукавом, поднялась в полный рост. Только сейчас Герберт увидел, что от пышной некогда юбки его спутницы не осталось практически ничего. То есть нижней юбки не было вовсе, поэтому платье болталось на девушке, словно на вешалке.

– А что с вами случилось, цветочек мой? – едва сдерживая смех спросил бородач.

– А это могли бы спросить у вашей милейшей старушки и её козы! Едва я вошла сюда, это чудовище (я имею в виду козу) схватила меня за подол и стало его жевать, да так рьяно, что отбить свою юбку мне не удалось даже при помощи замечательной старушки, которая, как мне показалась, помогала вовсе не мне, а своему беспардонному животному!

Герберт уже не сдерживал смеха:

– То есть мы именно вашей нижней юбке должны быть благодарны за вкус этого молока?

Флора приняла обиженный вид, а потом не без доли ехидства спросила:

– А где, позволь поинтересоваться сейчас твои сапоги и плащ?

Бородач на секунду замер, принял серьёзный и несколько испуганный вид и буквально кубарем скатился вниз по лестнице. Через мгновение снизу послышалась какая-то возня, приглушенное блеяние и сдерживаемые ругательства. Еще через некоторое время на полатах появился Герберт. В руках он нёс сапоги и изрядно помятый (пожёванный?) плащ, как раз и ставший, видимо, поводом к сражению.

– Ты всё еще считаешь, что хозяйская коза – премилое создание? – усмехнулась Флоримель. – Посмотрим, каково на вкус молоко из твоего плаща!

– Боюсь, мы не сможем насладиться его вкусом, – буркнул Герберт, – поскольку на ужин нас ждёт похлёбка, а завтра мы отправимся в путь ещё до рассвета. А сейчас я бы вздремнул, госпожа.

Однако поспать у Герберта не получилось, так как через несколько минут над полом выросла лысая голова коротышки.

– Господа, я принёс ваш ужин!

– О, благодарю вас, уважаемый Джакомо! Запах просто отменный! – воодушевился Герберт.

– Матушка самолично готовила! – расплылся золотой улыбкой коротышка.

– Передайте вашей матушке, что она замечательная хозяйка! Я принесу посуду, как только мы закончим трапезу.

– О нет, сударь, – заволновался Джакомо, – не утруждайте себя! Оставайтесь лучше тут, а посуду я заберу утром, – и он поспешил удалиться.

Девушка вяло ковыряла жидкую похлёбку и наблюдала, как с аппетитом уплетает её бородач.

– Не нравится мне всё это, – не переставая жевать заговорил Герберт.

– В самом деле? А по-моему, тебе по душе такая грубая пища.

– Я не о еде, хотя и она вполне сносна. Тут явно что-то нечисто!

– Да что ты?! А мне-то показалось, что мы, наконец, очутились в королевских палатах!

– Ах, Флоримель, дайте же мне договорить! – воскликнул Герберт. – Дело в том, что этот Джакомо явно что-то скрывает. Я спросил его, чем они живут, а он начал юлить и так и не дал вразумительного ответа. Кроме того, он так не хотел, чтобы мы оставались тут на ночь и так настойчиво пытался выпроводить меня из дома... Я думаю, что они кого-то ждут.

– Да, – вяло отозвалась Флоримель, – эта старушенция говорила о каком-то господине, который должен явиться сегодня...

– О господине? – насторожился Герберт, – и вы ничего мне не сказали? Неужели вы не понимаете, что это может быть небезопасно?!

– Откуда мне знать, что это важно? И потом, старуха болтала без умолку! Вам, например, не интересно ли узнать, сколько яиц в неделю несут её драные куры? Нет? А я могу вам сказать!

– Ах, Флоримель, оставьте ваш тон! Лучше скажите мне, где выбранные вами курицы? Потому что наш общий друг, наверное, уже заждался моего сигнала.

– Они в клетке под нашестом, – отмахнулась от него девушка. – А вас двоих я бы попросила не повторять прошлых ошибок и дать мне, наконец, выспаться! Очень не хочется спешно скрываться и отсюда.

– Уверяю вас, дорогая, что мы с Фицморисом, приложим все усилия, чтобы не нарушить ваш покой, – ответил Герберт. – Доброй ночи!

Флоримель не ответила.

Герберт спустился вниз и прислушался: вокруг всё было тихо, только из дома доносились неразборчивые голоса. Он бесшумно прокрался мимо хлева, прихватив с собой клетку с сонными курами, отмахнулся от козы, настойчиво пытавшейся ухватить его за полу плаща, и вышел в поле. Оглядевшись и убедившись, что вокруг нет никого, кто мог бы его заметить, он достал из кармана странный предмет, напоминавший деревянную дудку, чиркнул им о подошву своего сапога и тут же небо озарил сноп ярких золотистых искр, с треском и шипением, рассыпавшихся вокруг.³

Через пару минут послышался свист рассеяемого воздуха и на поле опустился Фицморис.

– Герберт, дорогой, что же так долго сегодня?

– Простите меня, друг, но в селении вышла неожиданная заминка. Вообще мне не очень нравится дом, в котором мы остановились... – и бородач начал рассказывать обо всем, что произошло, пока его собеседник заглатывал кур.

– Но самое главное, что сегодня они ожидают кого-то и я боюсь, что как только наши дорогие хозяева узнают, кто именно остановился у них, то...

– Я надеюсь, этой особе хватило ума не назвать себя? – прервал его грифон.

– О, Фицморис, мне даже не пришло в голову спросить её об этом! Но при мне она себя не называла.

– Герберт, возвращайтесь к Флоре, а я постараюсь устроиться где-нибудь поблизости. И жду вас завтра до рассвета!

– Конечно, Фицморис! Мы будем вовремя! И умоляю вас, дорогой друг, не разжигайте сегодня огня!

– Но Герберт...

– Я знаю, что ваши записи носят крайне важный характер, они, безусловно, внесут значительный вклад в развитие науки и образования в этой стране, но прошу, нет... умоляю вас! не сегодня!

– Хорошо... – понурился Фицморис.

Возвращался Герберт тем же путём. Когда он был уже в паре шагов от лестницы, ведущей вверх, скрип двери дома заставил его остановиться и замереть. В тусклом луче, осветившем дверной проём, он увидел странного вида господина. Длинный чёрный плащ, сшитый из дорогой парчи и подбитый алым бархатом, вряд ли мог принадлежать кому-либо из местных. Осанка и трость с серебряным по виду тяжёлым набалдашником выдавали в незнакомце человека знатного происхождения, однако широкий шрам и чёрная повязка, скрывавшая потерянный, видимо, глаз, придавали всей его фигуре нечто страшное, даже зловещее. Герберт затаил дыхание и стал прислушиваться.

– И помните, Джакомо, я плачу хорошие деньги, не за то, что вы будете сидеть под крыльшком милой мамочки. Я рассчитываю, что ваши ребята найдут интересующую меня даму в самое ближайшее время! – сказал одноглазый.

³ По-видимому речь идёт о некоем подобии китайского фейерверка (или пороха?..) (Прим. *ЗаУчКо*)

– Не волнуйтесь, сеньор! Мы непременно разыщем её, будьте спокойны. Тогда они смогут соединиться с принцем.

– Соединятся. Навеки!..

Последние слова одноглазого прозвучали настолько грозно, что Герберт отчётливо ощутил каждую мелкую мурашку, пробегающую по его спине.

Когда незнакомец ушёл, а дверь хижины плотно затворилась, Герберт поспешил наверх.

– Флоримель, вы тут? Вы спите, госпожа? – прошептал он в темноту.

– Это ты, Герберт? – отозвалась из темноты Флоримель.

– Да, я вернулся.

– Всё в порядке? Как наш друг?

– О, Фицморис просил благодарить вас за кур, – соврал Герберт. – А почему вы не спите, госпожа? Я помешал вам?

– Нет. Помешал, но не ты. Тут и без тебя достаточно шумно. Как только ты ушёл, в дом приехал какой-то господин. Ты бы слышал, как рассыпалась перед ним старуха! А у неё, согласись, ужасно скрипучий голос. Просто невероятно, насколько неприятным может стать голос женщины в старости! Но как мастерски она вытягивала из него деньги! Ты и представить себе не можешь!

«Кажется, могу...» – подумал Герберт, а вслух сказал:

– А о чём же они говорили?

– Мне не пристало подслушивать, но, по-моему, эти люди промышляют чем-то незаконным. Они говорили о каком-то знатном господине и о том, что проживание его стоит немалых денег...

– Проживание?

– Ну да... Они так говорили... А ещё они упоминали какую-то даму, вот только я не разобрала. И знаешь, голос одного из них показался мне очень знакомым... Вот только никак не могу вспомнить, где я могла его слышать.

– Ах, цветочек, сейчас это так не важно!

– Не смей называть меня так!

– Не кричите, госпожа, нас могут услышать!

– И что с того? Мы оплатили постой и имеем полное право вести себя так, как нам заблагорассудится!

– Тихе, госпожа, тихе! – прошипел Герберт. – Я полагаю, что мы в большой опасности. А вы случайно не разобрали, что они говорили про ту даму?

– Я же уже сказала, что не имею привычки подслушивать, к тому же эта противная коза не дала мне подойти ближе к дому! Но, по-моему, обладатель того голоса обещал нашему хозяину немалые деньги за её поимку.

– Так вы спускались?!

– Ну да, – с невозмутимым видом подтвердила девушка (по счастью полумрак скрыл краску стыда на её лице). – Я же сказала, что не могла уснуть!

– Ах, госпожа, я же велел вам сидеть тут!

– Не смей повышать на меня голос! И к тому же, что такого могло произойти?

– Госпожа, сдаётся мне, что дама, которую теперь будет искать эта шайка головорезов, вы!

– Я?!

– Более того, я предполагаю, что именно эта развесёлая компания так или иначе поспособствовала исчезновению вашего дражайшего принца, а с ним и нужной мне вещи.

– То есть ты думаешь, что они знают, где сейчас принц Брион? Так чего же мы ждём? Надо просто выведать у них, и всё решится самым лучшим образом! – и она уверенно двинулась к выходу.

– Не торопитесь! Мы здорово рискуем. А что если они узнают в вас ту самую особу? Что если они пленят нас?

Девушка раздраженно фыркнула:

– Какой же ты бестолковый! В самом деле! Ну, во-первых, как они меня узнают? Да в таком виде меня и родная матушка не признала бы, а во-вторых, это в любом случае лучше, чем пробираться в логово пиратов наугад, не зная наверняка, там ли Брион.

Бородач задумался на мгновение.

– Ждите здесь! Я скоро вернусь! – и прихватив с собой оставшуюся после ужина посуду, Герберт спустился вниз.

Приняв самый невозмутимый и невинный вид, он вошёл в дом. Шайка (теперь-то он в этом не сомневался!) сидела за столом, склонившись над разложенной картой. При виде гостя, коротышка Джакомо поднялся, пытаясь заслонить карту спиной.

– Что вам угодно, сударь? По-моему, я просил оставить посуду в ваших покоях и не появляться здесь.

– Ах, Жаки, как ты неучтив! – тут же встряла в разговор старуха. (Герберт вздохнул с облегчением.) – Возможно, нашему гостю понадобилось что-то?

– Вы так проникательны, любезная хозяйка! Дело в том, что моя супруга спит, а у меня возникла крайне деликатная проблема...

– Супруга? – удивлённо отозвался коротышка.

– Жаки, ты ставишь нашего гостя в неловкое положение! – старуха метнула в сына многозначительный взгляд, выражающий одновременно недоумение, укор и малую долю скабрёзной усмешки. – Так в чём же ваша беда, сударь?

– Милая хозяйка, – обратился к старухе Герберт с самой любезной улыбкой, на которую был способен. – Мой костюм...

– А что с ним?

– Дело в том, что он изрядно износился, а сменное бельё ждёт нас в багаже, который...

– Не говорите более ни слова! – прервала его старуха. – После моего дражайшего супруга осталась масса вполне приличных костюмов, которые я могла бы уступить вам по сходной цене!

– Но мама! – возмутился коротышка.

– Жаки! Не будь так жаден! Неужели ты не видишь, как страдает наш любезный гость без сменных панталонов и чистой сорочки!

– Но мама! Даже если не брать в расчёт всего остального... Они просто не по размеру нашему гостю! – не выдержал коротышка.

Старуха смерила бородача изучающим взглядом и обратилась к сыну:

– Пустяки, Жаки! Твой папа был такой же высокий и статный, как наш гость! Оставайтесь тут, синьор, а я принесу вам костюмы через минуту, – и она отправилась наверх, не обращая никакого внимания на протестующие жесты и взгляды сына.

– Прошу извинить меня, уважаемый хозяин, если моя просьба как-то обидела вас... – обратился Герберт к коротышке.

– Да уж, сударь! Вы крайне беспокойные постояльцы! – проворчал тот, отходя в сторону.

– Боюсь вызвать еще больший ваш гнев, но хотел бы спросить, не будет ли у вас кружечки доброго домашнего пива или вина для меня, а то я что-то никак не могу уснуть...

– Что ж... – замаялся коротышка. – Присаживайтесь, господин, я принесу вам матушкиной наливки...

Герберт подсел к бочке, на которой шайка расстелила карту, и постарался завести непри- нуждённый разговор с присутствующими, однако компания сохраняла гробовое молчание, а их взгляды не предвещали светской беседы. По счастью, как раз в это время вернулась старуха с целой охапкой какого-то тряпья. Со словами: «Посторонитесь-ка, мальчишки!» она бесцеремонно развалила весь этот хлам прямо на карту.

– Вот сударь, посмотрите, какие замечательные костюмы! Выбирайте, сударь, выбирайте! Им сносу нет! А какая работа! Ручаюсь, сударь, что такого качества вы и в столице не сыщите!

Разглядывая изрядно поношенные рубахи и штаны, Герберт убедился в справедливости опасений коротышки. Конечно, он, Герберт, догадывался, что всем женщинам свойственно несколько преувеличивать достоинства их возлюбленных мужей (особенно покойных), но даже не предполагал, что настолько! Вещи были очевидно не в пору, однако, это не остановило его в выборе пары брюк, широкой рубахи и плаща, разглядывая отделку которого, он смог-таки прочесть название городка, обозначенного на карте красным крестом. Уилпорт.

Теперь, когда Герберт в душе ликовал от удачной развязки дельца и с облегчением высыпал монеты в алчные руки старухи, за дверью послышалась какая-то возня и в хижину вошел коротышка, в одной руке державший огромный глиняный кувшин, а другой рукой тянувший за собой упирающуюся Флоримель. У Герберта похолодело в животе.

– Ну и как вы это объясните, милостивый государь? – обратился коротышка к Герберту. – Я застал её, подслушивающей за дверью!

Вид у Флоримель был несколько обескураженный. Она виновато посмотрела на Герберта.

– Ах, милая! – начал он с самой весёлой улыбкой, которую только смог выдать из себя в это мгновение. – Ты снова за своё? Я же уже тысячу раз клялся тебе в своей верности! Поверь, милая, у тебя нет ни малейшего повода во мне сомневаться!

Глаза девушки приобрели неестественно круглые очертания, а взгляд выражал изумление.

– Господа, – обратился Герберт к присутствующим. – Моя дорогая жёнушка излишне ревнива... Не буду лгать вам, ранее, до нашей свадьбы я давал изрядно поводов к ревности своим подругам, но теперь, когда я встретил тебя, мой цветочек!.. – последние слова он буквально процедил сквозь зубы. Во взгляде же его изумленная и чуточку возмущенная Флоримель прочла что-то среднее между мольбой и яростью, поэтому не решилась отвечать, а только опустила взгляд в пол и стала с интересом изучать рисунок на половицах.

– Ревнива?! К кому она могла приревновать тебя здесь?! – завопил коротышка, обводя взглядом собравшихся. – По-моему, вы просто дурите нам голову! Признавайтесь немедленно, что вы тут вынюхиваете?

Краем глаза Герберт уже увидел, как уважаемые господа, восседавшие вокруг бочки с картой, стали медленно подниматься со своих мест, а руки их потянулись к кривым ножам, заткнутым за поясами. Напряжённость повисла в воздухе и даже старуха застыла, так и не успев зажать в ладони монеты. Тем не менее именно она нашлась первой:

– Жаки, как можно! Неужели ты не видишь, что перед нами влюблённая пара. Ах, милый, ты также невнимателен, как и твой покойный батюшка! Юная любовь, что может быть прекрасней? – старуха мечтательно закатила глаза. – И все эти приливы ревности, и ссоры из-за пустяков, и перепалки, и драки... А всё лишь для того, чтобы после примириться в объятиях друг друга... Пойдём со мной, дорогая. Я расскажу тебе замечательную историю!

И с этими словами старуха выхватила из рук сына кувшин и изумлённую гостью и потащила свою добычу в дальний угол, где и намеревалась поделиться своим житейским опытом, вне зависимости хочет того девушка или нет.

На все попытки Джакомо или Герберта вяло возразить, она отвечала только взмахом сухой костлявой руки, каким обычно отгоняют надоедливых мух.

Несколько часов спустя Герберт под одобрительные возгласы головорезов взвалил на одно плечо купленное у старухи тряпье, а на другое свою спутницу и откланялся. Он ещё раз поблагодарил старуху, тепло распрощался с Джакомо, который за это время успел рассказать ему всю свою нехитрую биографию, сопровождая повествование трогательными подробностями и воспоминаниями детства. Одним словом, расстались они если не лучшими друзьями, то хорошими приятелями.

Закрыв за собой дверь хижины, Герберт постоял с минуту возле хлева, отмахнулся от назойливой козы, которая, по-видимому, как и её хозяйева страдала бессонницей и предпочитала зажёвывать свою тоску плащом Герберта, и, убедившись, что за ним никто не последовал, легко перемахнул через хлипкую ограду.

– Фицморс, друг мой, вы не спите?

– Герберт, я жду вас уже около часа, вы опаздываете. Что-то случилось? – он недоуменно оглядывал Герберта и его ношу.

– Случилось. У меня для вас несколько известий. Во-первых, мы летим в Уилпорт.

– Уилпорт?

– Да, друг мой, именно туда. Мне удалось кое-что выведать, и теперь я почти уверен, что искать принца нам следует именно там.

– Но это же замечательно, Герберт! Всё складывается как нельзя лучше!

– Не совсем, Фицморис, не совсем... Нас ищут!

– То есть?

– То есть не нас, а уважаемую нашу госпожу.

– Откуда вам это известно? И что с ней, скажите на милость!

– С ней всё в порядке. Просто наш цветочек не рассчитал свои силы, внимая излишним хозяйки дома. Остальное же расскажу вам в пути. Нам пора. Солнце уже поднимается!

С этими словами Герберт бережно уложил девушку в корзину, забрался в неё сам, и Фицморис взмыл в воздух.

С высоты Уилпорт казался крохотным пяточком, зажатым между скалами и морем. Единственное, что выдавало в нём портовый город, был широкий причал, глубоко врезавшийся в бухту, с несколькими пришвартованными к нему судами, несколько, к слову сказать, не напоминавшими прославленный флот короля Лайтана.

– Ну и как мы туда попадём, скажите на милость? – поинтересовалась Флоримель, оглядывая узкую крутую тропку, спускающуюся со скалы, на которой приземлилась тройца.

– Как все нормальные путешественники. По тропинке! – весело ответил ей бородач.

– По тропике? В этом?! – и девушка немного покружилась, демонстрируя спутникам широкую длинную юбку своего платья.

– Я всё предусмотрел, госпожа! – и с этими словами Герберт кинул ей свёрток, из которого вывалились поношенные штаны.

Флоримель с нескрываемым отвращением разглядывала тряпьё.

– То есть ты хочешь, чтобы я облачилась в эти обноски?

– Это единственный вариант. Ваше появление в этом городишке должно остаться незамеченным. А кроме того, вы, часом не забыли, что наши друзья-головорезы как раз вчера получили задание разыскать некую особу? Хотя что вы можете помнить? Вчера вы так увлеклись рассказами старой хозяйки, что я удивлён даже тому, что сегодня вы вообще помните кто вы и где находитесь!

Флора бросила на него гневный взгляд.

– Это ты виноват в произошедшем! И кроме того, – добавила она несколько смягчившись, – сегодня меня совершенно не укачивало в полёте!

– Вот уж совсем не удивительно, – отозвался из глубины пещеры Фицморис, – Вы, дорогуша, проспали почти всю дорогу! А храпели так, словно...

Но Герберт, предвидя очередную перепалку, не позволил ему закончить.

– Друг мой! Уступите нашей даме место в пещере, чтобы она смогла переодеться.

Тот нехотя выполз из тёмного лаза и, не обращая ни малейшего внимания на гневные взгляды девушки, развалился рядом с Гербертом на краю выступа.

– Каков план? – спросил он, когда Флоримель скрылась в темноте пещеры.

– Нам надо как-то выведать, есть ли в порту пираты.

– Хм... – грифон рассмотрел пришвартованные суда и указал на фрегат, стоявший у самого дальнего причала. – На вашем месте я присмотрелся бы вон к тому судну.

– Почему именно к нему?

– А вы взгляните, Герберт!

Бородач достал маленькую подозрную трубку и с минуту пристально вглядывался в судно.

– Ровным счётом ничего особенного не замечаю! Фрегат как фрегат...

– Это не фрегат, Герберт, а шлюп.

– И..?

– ...И он намного маневреннее и быстроходней большинства судов, а вмещает при этом около сотни человек. Его строение позволяет морякам укрыться почти в любой бухте, не рискуя сесть на мель. При этом трюмы его не достаточно вместительны для приличного улова, а по сему, думается мне, что если здесь и есть пиратский корабль, то это именно он!

– И всё? Все эти выводы вы сделали только по тому, что это шлюп?

– Нет, не только. Обратите внимание на сети, развешанные по бортам.

– Сети как сети... Обычные рыболовные снасти!

– Не совсем так. Рыболовецкие суда, вернувшиеся из плавания, расправляют сети, чтобы просушить их, а эти свёрнуты, причём свёрнуты таким образом, чтобы при необходимости расправить их по бортам. Зачем рыбакам сети по бортам корабля?

– Даже не представляю...

– И верно. Рыболовам они без надобности, а вот пиратов обезопасят от проникновения на судно неприятеля.

Герберт изумлённо посмотрел на собеседника.

– Дорогой друг, вы не перестаете меня удивлять! Откуда вам всё это известно?

Фицморис польщено улыбнулся и уже хотел было пуститься в так любимые им воспоминания молодости, как вдруг сзади послышался капризный голос:

– Ну и как я могу показаться на людях в таком виде?!

Перед приятелями стояла Флоримель, облачённая в костюм коротышки-старшего (который оказался ей чуть великоват). И если бы не длинные тёмные волосы, то в ней едва ли можно было разглядеть юную девушку.

– Да уж, вы похожи...

– Вы совершенно похожи на мальчишку! Это замечательно! – прервал Фицморис Герберт. – Вот только с волосами надо что-то придумать...

– Остричь. – мрачно отозвался Фицморис.

– Остричь?! Мои прекрасные волосы???

– Не волнуйся, цветочек! Мы что-нибудь придумаем. Соберём-ка их! – Герберт нахлобучил девушке на голову свою изрядно поношенную шляпу, отступив на пару шагов, оценил результат и задумчиво произнёс:

– Чего-то не хватает...

– Возможно соответствующей обуви? – и Флоримель указала на свои бальные туфельки, усыпанные блёстками и вышитые бисером, которые и в самом деле совершенно не подходили к её наряду.

– Возможно... – согласился Герберт. – Давайте посмотрим, что есть в моих пожитках.

С этими словами бородач развязал свой походный мешок и извлёк оттуда огромных размеров сапоги.

– Примерьте!

– Я похожа на пугало!... – чуть не разрыдалась Флора, осматривая себя и свои ноги, утонувшие в сапогах выше колен.

– Да... – согласился Герберт. – В таком виде вы вряд ли сможете спуститься по склону невредимой...

– Если кого-то интересует моё мнение, – заговорил Фицморис, всё это время насуплено наблюдавший за преображением девушки, – то я посоветовал бы вам срезать с её обуви всю эту чепуху и изрядно вывалить их в грязь.

– Да вы просто гений, друг мой! – воскликнул бородач.

Флоримель едва удерживалась от слёз, наблюдая за тем, как её спутники расправляются с изящной обувью.

– Так-то лучше! – радовался Герберт, оглядывая шупленького мальчишку в широкополой шляпе и грязной обуви. – Вот теперь можем отправляться! Добавим только к вашему наряду нож за пояс и плащ, а то уже холодает!

– Ну что же, – сказал Фицморис. – Я, как всегда, сижу тут и жду вашего сигнала...

– Не скучайте, Фицморис! И не мёрзните – приморские ветры бывают коварны!

– Ну, что вы, Герберт, не беспокойтесь! Если мне станет холодно, я разожгу костёр.

– Где же, интересно мне знать, ты возьмёшь дрова? – пробурчала не оборачиваясь Флоримель.

– Не волнуйтесь, госпожа, в ваших пожитках найдётся предостаточно вещей для неплохого костровища. А первой я сожгу лютню! – рявкнул он в ответ.

– Мою лютню?! Да как ты сме... – недоговорив она бросилась к корзине и выхватив из неё инструмент, направилась вниз по склону.

– Да, да, Флоримель, нам пора! – и Герберт поспешил последовать за девушкой, успев при этом нагадить Фицмориса укоризненным взглядом.

Тропка, по которой спускались путники, извивалась змейкой, огибая острые камни и пыльные кусты. А судя по тому, как края её обросли чахлой травой, то нетрудно было сделать вывод, что пользовались этой дорогой не часто. И чем ближе был городок, тем более отвесной и неудобной она становилась. Несколько раз Герберт едва успевал подхватить Флоримель, которая, казалось, так и норовила сорваться вниз и ускорить свой спуск, катясь по пыльному склону кувырком.

– Что не так? – наконец заговорила девушка.

– Ваши туфли, госпожа. Они совершенно не годятся для пеших походов, а тем более для спуска по каменистому склону.

– Я не об этом, – ответила Флоримель, в очередной раз поднимаясь на ноги. – Фицморис. Что с ним сегодня? Он весь день пытается обидеть, оскорбить меня!

– Ах это... – задумчиво протянул Герберт. – Возможно, ему не совсем по душе некоторые из ваших привычек.

– Моих привычек?

– Ну да. Вы, госпожа, разве не знаете, что человек во сне всегда говорит только правду?

– Я слышала об этом, но при чём тут он?

– Фицморис совершенно не при чём. Просто с недавних пор вы стали разговаривать во сне.

– Я?! Разговариваю во сне?! – Флоримель даже остановилась на мгновение.

– Да. И я полагаю, что Фицморису не понравилось то, что он услышал сегодня, пока мы летели сюда.

– Услышал?...

– По всей видимости да. Хотя я, госпожа, приложил максимум усилий, чтобы этого не произошло! Закидал вас вещами, даже шляпой лицо закрыл!

– Так вот почему мне снилось, что меня душат... – задумчиво произнесла Флора, но тут же очнулась от раздумий и спросила:

– А что же я такого сказала?

– О, госпожа! – усмехнулся Герберт. – Проще ответить, чего вы не говорили! Вы обвиняли несчастного Фицмориса во всех своих неудачах, грозились предать его суду. Но не думаю, что именно это так огорчило нашего друга.

– Не это?

– Нет. Вы позволили себе довольно пространные рассуждения относительно его происхождения.

– И что?

– А то, что грифон – смесь благородного льва и орла, а никак не курицы и собаки!⁴

Флоримель замолчала и только неуверенные шаги за спиной уверяли Герберта в том, что она всё ещё тут.

– Не работает... – произнесла она некоторое время спустя.

– Что не работает? – поинтересовался Герберт.

– Один способ изменить себя. Не так давно я прочла, что необходимо с радостью смотреть на всё вокруг, надо быть благодарной за всё, что тебя окружает. И я пыталась!

– Пытались? – Герберт смерил девушку недоверчивым взглядом.

– Знал бы ты, как! – воскликнула она. – Но, наверное, со мной это не работает... После всех моих стараний!.. ...Говорю во сне! Да где это только видано, чтобы девушки моего круга разговаривали во сне! Что бы сказала на это Анна?.. И голубей от неё не приходило уже две недели... Я так несчастна...

Герберт испытывал смешанное чувство жалости и удовлетворения, слушая, покаянные стенания Флоримель. Однако слезливые нотки, послышавшиеся в её голосе, заставили его остановиться. Он взял девушку за плечи и, глядя в её уже влажные от слез глаза, сказал:

– Послушайте Флоримель! Если вы хоть на секунду переключите ваше пристальное внимание с собственной особы и оглядитесь вокруг, то, полагаю заметите, что мы с вами направляемся в логово пиратов. А ещё вспомните, что на нас, похоже, объявлена самая настоящая охота, что в королевстве в ближайшее время разразится война и... – девушка всхлипнула. Герберт в усталом изнеможении закатил глаза. – Что еще?

– Я ногу натёрла! – и Флоримель разрыдалась.

Оставшуюся часть пути Герберт проделал куда медленнее, поскольку на одном плече ему пришлось нести Флору, а на другом – её лютию. Оказавшись у самого подножия, путники остановились.

– Дальше вам придётся идти самостоятельно, иначе мы рискуем привлечь к себе лишнее внимание, – сказал Герберт.

– Я понимаю... А далеко пойдём?

– Нам надо разузнать, нет ли поблизости пиратского судна. Ну а уж если нам удастся незамеченными пробраться туда, то считайте, что ваш дражайший принц уже ведёт вас под венец!

– С чего ты решил, что мы сразу найдём принца на корабле?

– Ах, цветочек, если бы вчера вы не увлеклись задушевными беседами с нашей хозяйкой, то у меня был бы шанс рассказать вам, что господин Джакомо и его милейшие друзья имеют самое непосредственное отношение к пиратам. Кроме того, вас, как я погляжу, ничуть не удивило, что мы сменили направление поисков.

– А разве мы не Аркенхайзеле? – удивилась Флоримель.

– Представьте себе нет! Перед нами славный город Уилпорт!

– А где это?

⁴ Современная наука совершенно отрицает существование грифонов! Более того, всё описанное выше, хотя и соответствует их описанию в античной литературе, никак не подтверждает их существование! Как, впрочем и помесей таких животных как собаки и куры. (Прим. *ЗаУчКо*)

Герберт оглядел девушку с нескрываемым недоумением.

– Вы даже географии государства не знаете? Это не простительно для... – он осёкся, заметив как задрожала нижняя губа девушки. – Ну не стоит, не стоит, цветочек!

Флоримель поджала губы и воскликнула твёрдым голосом:

– Не смей так меня называть! То, что ты стал свидетелем моей минутной слабости, не даёт тебе никакого права...

– Я понял вас, госпожа! – прервал её Герберт, склоняясь в демонстративно учтивом поклоне. – Но давайте сразу условимся, что всё, что будет происходить в этом городке, не будет вызывать у вас какого-либо рода возмущения, по крайней мере видимого.

– Что ты имеешь в виду?

– Сейчас мы отправимся в порт и попробуем наняться на судно. Вас я представлю, как своего слугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.